

ОРДОНАНСЫ 25 ИЮЛЯ 1830 ГОДА И ИХ ПОДГОТОВКА *

Проф. А. Молок

I

1 мая 1830 г. Карл X принимал у себя во дворце Сен-Клу префекта департамента Манш графа д'Эстурмеля. «Я стою за хартию, более чем сами крайние, — лицемерно уверял его король, — но я не вижу в ней ничего такого, что могло бы отнять у меня право выбирать своих министров... Никогда я не допущу этого, меня найдут твёрдым, как скала... Я не отступлю, я распущу палату раз, два раза, если потребуется; я не выйду из рамок легальности, не нарушу законов... но у меня есть 14-я статья»¹.

Эта статья хартии 1814 г., предоставлявшая королю право и единолично, помимо палат, издавать указы (ордонансы), стала настоящей *idée fixe* Карла X. Цеплялись за эту статью и газеты ультрароялистского направления².

Уверенный в успехе армии Бурмона в Алжире, король решил одним ударом покончить с либеральной оппозицией и разогнать непокорную палату, которая 16 марта 221 голосом против 181 приняла адрес, требовавший отставки реакционного министерства князя Полиньяка. 16 мая был опубликован ордонанс, распускавший палату (заседания её прерваны были ещё 19 марта) и назначавший новые выборы в окружных коллегиях на 25 июня и в департаментских коллегиях — на 3 июля. Открытие новой законодательной сессии было намечено на 3 августа.

Вопреки ожиданиям ультрароялистов, выборы принесли решительную победу оппозиции: из 428 вновь избранных депутатов 283 принадлежали ей и только 145 — министерству. Ни вмешательство короля, ни махинации Полиньяка, ни административное давление, ни злоупотребления с избирательными списками и бюллетенями, ни ультрароялистская агитация в печати, ни запугивания, ни подкуп, ни прямое насилие — ничто не смогло помешать торжеству конституционалистов и либералов.

29 июня, когда неблагоприятный для кабинета Полиньяка исход выборов в палату депутатов в основном уже определился, совет министров собрался, чтобы обсудить создавшееся положение. Министр юстиции Шантелоз заявил, что он знает «верное средство» справиться со всеми затруднениями. Средство это заключалось, по его словам, в проведении одного из следующих трёх мероприятий: 1) совершенно приостановить действие конституционного режима и править путём ордонансов до тех пор, пока спокойствие в стране не будет полностью восстановлено и правительство упрочено на монархической основе; 2) объявить недействительным избрание всех депутатов, которые голосовали в своё время

* Сокращённая глава из подготовленной к печати монографии об Июльской революции 1830 года.

¹ «Souvenirs de France et d'Italie dans les années 1830, 1831 et 1832 par le comte Joseph d'Estourmel», p. 1—2. Paris. 1848.

² Любопытно, что в тот же день, 1 мая, «Gazette de France» доказывала, что 14-я статья хартии есть «истинный оплот» монархии, «последняя надежда, якорь спасения отечества». На следующий день (2 мая) та же газета утверждала, что применение этой статьи — явление, столь же нормальное во французской конституционной жизни, как и приостановка Habeas corpus act'a в конституционной жизни Англии.

за адрес 221; 3) распустить новую палату, как только выборы в неё будут закончены, и провести новые выборы по избирательной системе, изменённой таким образом, чтобы она обеспечивала большинство роялистам. Шантелоз добавлял, что проведение предложенных им мер потребует увеличения гарнизонов Парижа, Лиона, Бордо и Руана до 20—30 тысяч человек в каждом и объявления этих четырёх крупнейших гордсов страны на осадном положении¹.

Предложение, внесённое министром юстиции, подверглось длительному обсуждению. При этом выяснилось полное единодушие всего кабинета по вопросу о допустимости принятия королём любых чрезвычайных мер, не предусмотренных существующими законами, но признанных им необходимыми «для спасения государства от неминуемой опасности». Допустимость принятия подобных мер мотивировалась ссылкой на 14-ю статью хартии, устанавливавшую, что король, как «верховный глава государства», «издаёт регламенты (распоряжения) и ордонансы (указы), необходимые для исполнения законов и для безопасности государства». То, что статья эта санкционировала лишь издание таких ордонансов, которые не противоречат действующим законам, не смущало министров, толковавших её по-своему. Один только министр народного просвещения, граф де Гернон-Ранвиль, возражал против роспуска палаты до того, как она откроет свои заседания, до того как выяснится её действительная гражданственность правительству. Если всё же предложение Шантелоза было отклонено, то единственно потому, что, как выразился министр внутренних дел граф Пейронне, «момент ещё не настал для принятия таких крайних мер». Ведь выборы ещё не были закончены.

4 июля 1830 г. Полиньяк и трое других министров, испуганные ходом выборов, предвещавшим победу оппозиции, заикнулись было об отставке, но Карл X категорически заявил, что не примет их отставки, так как она означала бы уступку оппозиции.

6 июля министр внутренних дел доложил на заседании кабинета выяснившиеся к тому времени результаты выборов. Министр должен был признать, что правительству нечего рассчитывать на большинство в новой палате. На вопрос других министров, что же в таком случае следует предпринять, Пейронне отвечал, что придётся прибегнуть к мерам чрезвычайного порядка. Он огласил составленный им проект созыва королём особого собрания, под именем «Большого совета Франции» (*Grand conseil de France*) в составе некоторого числа пэров, депутатов, высших судебных и административных чиновников, членов генеральных советов департаментов; председательство в этом совете предназначалось герцогу Ангулемскому. Новый орган власти, по мысли Пейронне, должен был помочь правительству преодолеть все стоящие на его пути препятствия. Князь Полиньяк и барон д'Оссэ горячо поддержали проект министра внутренних дел. Остальные министры высказались против этого плана. Они указывали на то, что подобное собрание — «бледная копия собрания нотаблей 1788 г.» — не будет иметь никакого политического веса, ни малейшего авторитета в глазах населения и лишь осложнит и без того трудное положение правительства. Пейронне согласился с этими возражениями, и созыв «Большого совета Франции» был отвергнут². Отвергнуто было также сходное предложение — заменить палату депутатов «собранием нотаблей», составленным из крупнейших собственников, из лиц, платящих наивысший подходящий налог.

Отвергнув оба эти проекта как несостоятельные, совет занялся рассмотрением нового предложения министра внутренних дел, которое предусматривало роспуск палаты, а также издание ордонансов об изменении избирательного закона и закона о печати. Изменение этих двух законов

¹ «Journal d'un ministre. Oeuvre posthume du comte de Guernon-Ranville», p. 124—125. Caen. 1873.

² *Ibidem*, p. 130—131.

в сторону их сужения намечено было кабинетом Полиньяка ещё до роспуска предыдущей палаты и должно было быть проведено обычным, парламентским путём: в тот момент в правительственных кругах ещё существовала надежда на то, что новые выборы принесут поражение оппозиции. Надежда эта не оправдалась, но министерство не хотело отказываться от проведения двух мероприятий, в которых вся партия ультрароялистов видела единственный способ спасти легитимную монархию и династию Бурбонов. Однако рассчитывать на проведение этих мероприятий через палату уже не приходилось.

Что касается роспуска палаты, в случае неблагоприятного для правительства результата новых выборов, то подобный шаг был предусмотрен правительством ещё 17 мая. И всё же предложение Пейронне вызвало ряд возражений. Гернон-Ранвиль заявил, что было бы благоразумнее подождать возвращения армии из Алжира и не прибегать к чрезвычайным мерам до тех пор, пока вновь избранная палата не откажет правительству в утверждении бюджета. Полиньяк и Пейронне отвечали, что договориться с палатой не удастся. Совет разошёлся, не приняв окончательного решения по этому вопросу.

Оно было принято на следующий день, 7 июля, в присутствии короля. После того как министры в один голос высказались за принятие чрезвычайных мер, за издание внепарламентских указов, Полиньяк добавил, что момент для этого настал и медлить больше нельзя. Он сослался при этом на полицейские донесения, сообщавшие о тайных собраниях в Париже, на которых обсуждались будто бы планы революционного выступления. «Дух революции никогда не оставлял некоторую часть населения, — заявил Карл X. — Он представлен в палате депутатами левой. Они делают вид, что не хотят только вас, господа; на деле, они не хотят самой монархии. Мне говорят: отставьте ваших министров, и мы договоримся с вами. Но я не отставляю вас, во-первых, потому, что я вас уважаю и люблю, во-вторых, потому, что, если я уступлю этому требованию, они поступят со мною так, как они поступили с моим несчастным братом (Людовиком XVI. — А. М.). Первая же его уступка явилась сигналом к его гибели. Я не хочу отступать, как он; у меня в этом отношении достаточно опыта»¹.

Яснее высказаться было трудно. Заседание закончилось тем, что Пейронне было поручено составить текст ордонанса об изменении избирательной системы, а Шантелозу — текст нового ордонанса о печати.

Изменение действующей избирательной системы и действующего законодательства о печати подготовлялось двором и правительством в тесном союзе с высшим духовенством, с согласия и одобрения римского престола.

В начале или середине июля 1830 г. (точная дата нам неизвестна) парижский архиепископ монсеньор де-Келен, совместно с главным духовником короля кардиналом де-Латиль и аббатом де-Фрейсину, обратился, с ведома Карла X, к папе Пию VIII с письмом, в котором спрашивал его «благословения» на подобные мероприятия. Письмо это, пересланное в Рим через папского нунция в Париже кардинала Ламбускини, начиналось с просьбы к папе прислать в Алжир своего легата и с заявления о готовности передать римской церкви все африканские земли, которые завоёваны или будут завоёваны французскими войсками. Авторы письма есячески расписывали заботы правительства Карла X с процветании католической церкви. «В течение десяти лет царствования Людовика XVIII, — указывали они, — духовенство получило в виде завещаний не более 12 миллионов франков, а со времени восшествия на престол Карла X, с конца 1824 г. по июнь 1830 г., за эти пять с половиной лет духовенство под покровительством этого монарха приобрело тем же способом 30 миллионов». «Но, — жаловался парижский архиепископ, — благоче-

¹ A. de Vaublanc. Histoire de deux restaurations. T. VII, p. 281.

стивое рвение короля и щедроты верующих встречают постоянное препятствие в виде сопротивления, которое оказывают его правительству своеволие и уклоны периодической печати. Французская церковь считает поэтому необходимым, чтобы общий отец всех верующих голосом своей мудрости побудил Карла X обуздать своеволие прессы».

В своём ответе, составленном его секретарём, кардиналом Альбани, папа призвал французского короля «остановить, наконец, решительными мерами разрушительный поток, грозящий поглотить государство, церковь, монарха и монархию»¹.

II

9 июля в Париже было получено известие о падении Алжира, занятого войсками генерала Бурмона утром 5-го числа.

Этот успех французского оружия был отпразднован правительством торжественным богослужением в соборе Парижской богородицы, состоявшимся 11 июля. Торжество это было использовано для нового вызова по адресу оппозиции. «Трёх недель, — заявлял в своём послании к верующим парижский архиепископ, — оказалось достаточно, чтобы привести к унижению и обессилить, как ребёнка, этого мусульманина (алжирского бея Гуссейна. — А. М.), ещё недавно столь гордого. Да будет так повсюду и всегда со всеми врагами нашего господина и короля. Да будет так раздавлены все те, кто осмеливается восстать против него!»².

Такие же пожелания, полные намёков на злобу дня, архиепископ высказал и самому Карлу X, встречая его на паперти собора. И словно для того, чтобы рассеять последние сомнения верующих насчёт скрытого смысла этих «пастырских» слов, в тот же день, 11 июля, один из близких к министерству органов печати оповещал своих читателей о том, что «закон, возвративший в палату 221 депутата, будет изменён ещё до истечения трёх месяцев, на основе закона или, в случае надобности, ордонанса, палатой или королём»³.

«Газет де Франс», расписывая ликование народных масс по случаю взятия Алжира, демагогически противопоставляла «верный» монархии народ восстающим против неё либералам. Злобно клеветнические выпады по адресу либералов сочетались в этой статье с насмешками над их «пугливостью», над тем, что они якобы бледнеют от слов архиепископа и приходят в ужас от «невинной демонстрации нескольких сот рабочих»⁴.

Шум, поднятый реакционной печатью вокруг этой, организованной полицией, манифестации «преданности» трудящихся Парижа династии и правительству, должен был, по замыслу ультрароялистов, облегчить подготавливавшееся ими открытое нарушение действующей конституции.

Изданию соответствующих указов предшествовала длительная пропаганда их в органах реакционной печати. Редакция «Газет де Франс» открыто мотивировала необходимость изменения действующей избирательной системы классовыми соображениями — ссылкой на то, что эта система не обеспечивает господствующего положения крупной земельной аристократии. «Средняя собственность делается республиканской и борется против крупной, стоящей за монархию» — так расценивал орган аббата Женуда социальный смысл июньско-июльских выборов. Избирательная система, которая «вооружает средний класс населения против класса — носителя богатств и почестей», — поощряет средних землевладельцев и промышленников и создаёт в палате «численное большинство», не соответствующее «реальному большинству», должна быть заменена другою. Таков вывод, к которому приходила редакция «Газет

¹ Sarrut G. et Saint-Edme A. Biographie des hommes du jour. T. III, 1-re partie, p. 323—324. Paris. 1837, — биография de Quelen (Разрядка моя. — А. М.). Переписка эта была опубликована уже после Июльской революции.

² «La Gazette de France», 12 juillet. 1830.

³ Vaulabelle A. Op. cit. T. VII, p. 275.

⁴ «La Gazette de France», 15 juillet 1830 (статья «Terreurs des libéraux»).

де Франс»¹. Надо ли доказывать, что «численное большинство», завоеванное буржуазной оппозицией на этих выборах, подтверждало, что соотношение сил в стране складывалось явно не в пользу помещичьей аристократии?

В каком же направлении должна быть изменена избирательная система? На этот счёт ультрароялисты не были вполне единодушны. Но, расходясь в частности, они сходились в одном — в стремлении к усилению власти короля за счёт прав палаты депутатов и к обеспечению политического преобладания землевладельческого дворянства за счёт влияния торгово-промышленной буржуазии. Возражая либералам, ссылавшимся на пример Англии как страны либеральных свобод, один из читателей «Газет де Франс» доказывал, что английская избирательная система гораздо менее демократична, чем французская, и в подтверждение своих слов приводил таблицу, из которой явствовало, что только 171 из 658 членов палаты общин выбирается населением, а остальные фактически назначаются короной, пэрами и владельцами так называемых «гнилых местечек»².

Не предлагая воспроизводить во Франции английские избирательные порядки, «Газет де Франс» считала, однако, необходимым придать французской избирательной системе более аристократический характер. Вместе с тем она требовала отмены тайного голосования, как якобы «противоречащего морали и здоровой политике», как опасного оружия в руках противников «общественного порядка и законной власти»³.

Та же газета все свои надежды возлагала на палату пэров, как на барьер против демократии⁴.

«Палата пэров, — писала со своей стороны газета «Котидьен», — это чисто королевское учреждение, учреждение, всё существование которого зависит от существования монархии». Палата пэров, представляющая собой «цвет общества», собрание людей, которым всё, начиная с их возраста и кончая их социальным положением, диктует политическую умеренность, имеет неизмеримо большее значение в монархии, нежели палата депутатов, выражающая «волю 80 тысяч избирателей», единственной гарантией благонамеренности которых является «уплата налога или патента». Союз короля и пэров — «двух органов власти, которые хотят всё сохранить», — против органа власти, который ставит своей целью «всё уничтожить», выйдет победителем из борьбы против возможного «демократического большинства» новой палаты. Вывод: палата пэров не должна замыкаться в роли «бесстрастного свидетеля» борьбы монархии с приверженцами «мятежной демократии»⁵.

Как далеко заходили в этот момент планы дворянской контрреволюции, можно судить по брошюре известного реакционного публициста, советника парижской судебной палаты Шарля Коттю, вышедшей в июне или начале июля 1830 г. под заглавием «Об обязанностях короля по отношению к монархии»⁶. Коттю выдвигал здесь проект нового избирательного закона, согласно которому из 650 членов палаты депутатов 550 мест должны были принадлежать крупным поземельным собственникам, 32 — судейским чиновникам, 26 — представителям высшей школы, 42 — представителям торговых кругов. Депутаты судейского звания должны были выбираться кассационной, счётной и судебной палатами, депутаты от

¹ La Gazette de France», 21 juillet 1830.

² «La Gazette de France». 18 juillet 1830.

³ Ibidem, 25 juillet 1830 («Du vote secret»).

⁴ Ibidem, 25 juillet 1830 («La pairie est-elle possible dans le système de la majorite elective?»).

⁵ «La Quotidienne», 18 juillet 1830 (La Chambre des paires).

⁶ Cottu Ch. Du devoir du roi envers la royauté. Paris. 1830. Аналогичные идеи Коттю развивал в 1828 г. в брошюре «О средствах установления гармонии между хартией и королевской властью» («Des moyens de mettre la charte en harmonie avec la royauté»).

университетов — академическими кругами, депутаты от торговых кругов — торговцами и купцами. Что касается 550 депутатов-землевладельцев, то они должны были выбираться «наследственными избирателями», назначенными королём из числа владельцев майоратов, приносящих от 20 до 30 тысяч франков дохода. Такая избирательная система (если тут можно вообще говорить о «выборности») и такой состав палаты депутатов должны были обеспечить полное политическое преобладание крупной землевладельческой аристократии — единственной социальной группе, способной, по мнению Коттю, спасти монархическую Францию от революции и республики. Остаётся добавить, что для скорейшего утверждения государственного бюджета на 1830 г. тот же Коттю проектировал немедленный созыв особой палаты, составленной из высших чиновников и генералов, по назначению правительства. Сопrotивление налогоплательщиков взиманию установленных таким образом налогов предполагалось сломить репрессиями административного и финансового порядка.

Проект Коттю встретил большое сочувствие во всём реакционном лагере, вызвал самые одобрительные отзывы в ультрароялистской печати: он отвечал заветному стремлению крайних монархистов восстановить былое политическое преобладание земельной аристократии.

Наряду с изменением избирательной системы, ограничением прав палаты депутатов и усилением влияния палаты пэров ультрароялисты требовали ещё и нового ограничения свободы печати. Надо, доказывала газета «Котидьен», вырвать из рук либеральной партии то «страшное оружие», с помощью которого она подчиняет себе общественное мнение и «деспотически господствует на выборах». «Это оружие есть своеволие прессы. Мы заявляем и будем повторять без конца, что ни одно государство не могло бы устоять против этого своеволия, — ни империя, ни республика, ни конституционная монархия»¹.

Аналогичное требование выдвигала редакция «Газет де Франс»: «Без проявления общественного мнения выборы невозможны, — писала она. — Спрашивается, однако, что это за общественное мнение, которое создаётся газетами «Constitutionnel», «Courrier», «National», «Globe», «Debats», «Journal du commerce», «Temps», «Tribune des departements» и пятью—шестью другими листками, изо дня в день распространяющими самую грязную ложь»². Перечисленные здесь газеты являлись главными органами либеральной прессы, уже давно мозолившими глаза реакционерам своим «своеволием».

«Алжир взят, и пиратство не появится больше в Европе», — писала «Котидьен». — Но есть другой вид пиратства в современном обществе, это — моральное пиратство. Люди, стоящие вне всякой цивилизации, бросаются в атаку на все охранительные принципы, на все социальные учреждения, на религию, на монархию, на правительство, на все органы человеческой власти. Это для нас настоящие пираты... Люди эти носят различные имена: их называют философами, конституционалистами, якобинцами, бонапартистами, либералами... Но что бы это ни было, пиратство или якобинство, ничто не помешает нам вести войну с этой разрушительной системой»³.

Так характеризовал орган ультрароялистов создавшееся в стране напряжённое политическое положение. При этом он открыто высказывался за применение силы. В подтверждение своей точки зрения «Котидьен» приводила высказывания ряда государственных деятелей Франции и Англии (Ройе-Коллара, графа Лабурдоннэ, барона Гид де-Невилля, Шатобриана и Эдмунда Бёрка). Смысл всех этих цитат сводился к оправда-

¹ «La Quotidienne», 20 juillet 1830.

² «La Gazette de France», 21 juillet 1830.

³ «La Quotidienne», 22 juillet 1830 (La piraterie liberale).

нию применения силы, которая одна только может спасти монархию, являющуюся «барьером против волн демократии»¹. Ещё более недвусмысленная угроза по адресу либералов содержалась в номере «Котидьен» от 25 июля. Газета заявляла, что, если либеральное большинство новой палаты выступит против министерства и отклонит бюджет, король, «опираясь на преданность огромного большинства своих подданных и своей армии», воспользуется 14-й статьёй хартии для принятия «необходимых мер» к обузданию «дерзости революционеров» и спасению монархии².

В том же номере, возражая газете «Глоб», одобрительно отзывавшейся о действующем избирательном законе, редакция «Котидьен» заявляла, что этот закон плох, и утверждала, что он не обеспечивает действительного выражения воли страны. Общеизвестная близость газеты к правительственным кругам придавала, конечно, особое значение этим словам. Правда, редакция делала вид, что ей неизвестно, как именно поступит министерство, захочет ли оно встретиться лицом к лицу с палатой или даст либералам бой вне палаты. Но, оставляя этот вопрос открытым и отказываясь давать по этому поводу советы правительству, орган ультрароялистской печати предсказывал, что борьба будет решительной и решающей. Презрительно третируя своих противников из лагеря либеральной оппозиции, газета утверждала, что они объять страхом и будут раздавлены «одним словом, одним единственным словом»³.

III

Как относились к этим контрреволюционным планам и угрозам двора и министерства либералы? Что делала буржуазная оппозиция в этот момент, когда в правительственных кругах заканчивались приготовления к государственному перевороту?

Нельзя сказать, чтобы либералы не сознавали надвигавшейся на них опасности, не замечали усиливавшихся с каждым днём притязаний со стороны реакционеров. Характерна позиция, занятая либералами по отношению к победе, одержанной войсками Бурмона в Алжире. Кто победил в Африке? Этому вопросу редакция газеты «Насьональ» посвятила 13 июля целую статью; в ней доказывалось, что министерство не имеет никаких оснований приписывать себе эту победу, ибо она одержана не правительством, а народом, не людьми «старого режима», а «новым, свободным поколением», армией, воспитанной в традициях войн и побед революции. Таков был вывод редакции «Насьональ». Газета разоблачала происки реакционеров, которые не стеснялись называть либералов «союзниками алжирского бая» и грозили оппозиции близкой расправой⁴.

Между тем слухи о готовящемся государственном перевороте с каждым днём становились всё более настоячивыми. 21 июля «Насьональ» вышла со статьёй Тьера, разоблачавшей намерения правительства ещё до истечения этого месяца распустить палату, аннулировать выборы, изменить избирательную систему и задушить оппозиционную печать. «Что предпримет эта последняя?» — спрашивал Тьер и отвечал: «Она будет сопротивляться, хотя бы её за это и осудили. Она будет всеми силами протестовать против нарушения законов. У неё нет жандармов, но у неё есть мужество, а это такая сила, которую безнаказанно не сломить»⁵.

Через два дня (23 июля) в статье, написанной главным редактором Арманом Каррелем, «Насьональ» разоблачала демагогические приёмы двора и министерства, их попытки опереться в борьбе против либералов

¹ «La Quotidienne», 23 juillet 1830.

² Ibidem, 25 juillet 1830.

³ Ibidem, 26 juillet 1830.

⁴ Carrel A. Oeuvres politiques et littéraires. T. I, p. 121—126 Paris, 1857.

⁵ Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. VIII. p. 527. Paris, 1861.

на пародные низы, на рабочих. Газета приводила следующий рассказ, обошедший всю реакционную прессу. Некий угольщик, член делегации от рабочих, явившейся во дворец поздравить Карла X со взятием Алжира, будто бы воскликнул, обращаясь к королю: «Государь, угольщик—хозяин у себя в шахте; послушайте меня, будьте и вы хозяином в своём доме». Указывая на то, с каким удовольствием смакуют этот полуанекдотический эпизод реакционеры, Арман Каррель высмеивал их «отчаянный проект» противопоставить трудящиеся массы либеральной буржуазии. То, что удалось сторонникам абсолютизма в Испании, в Португалии, в Неаполе, никогда не удастся, утверждал Каррель, во Франции. Правительству реставрации, за пятнадцать лет своего существования не только ничего не сделавшему для масс, но, наоборот, ещё усилившему их нищету и невежество, не к лицу маска защитника интересов трудящихся. Никогда массы не пойдут за аристократией против «среднего класса», с которым у них столько общих интересов. Свою статью Каррель заканчивая предупреждением по адресу реакционеров, что если народ когда-нибудь восстанет, то удары его обрушатся, как и в 1792—1793 гг., прежде всего на аристократию¹. Но призывала ли редакция «Насьональ» к вооружённому восстанию? Нет, пока она лишь пугала власть имущих возможностью такового.

Правда, газета отстаивала идею народного суверенитета, мотивируя необходимость его тем, что «просвещённая масса французов менее обречена на ошибки, чем король Франции, каким бы добродетельным, просвещённым, свободным от предрассудков он ни был». Но, отдавая предпочтение воле народа перед волей короля, «Насьональ» оговаривалась, что понимает под народом «не чернь в деревянных башмаках и с пикой в руках» (*non la populace en sabots et la pique à la main*), а «образованные, рассудительные и заинтересованные в спокойствии классы» (*les classes éclairées, raisonnables et intéressées à la tranquillité*). И хотя газета «Котидьен» делала из этих рассуждений «Насьональ» вывод, что этот орган либералов защищает «республиканскую теорию», что «он не хочет королевского суверенитета, так как вообще не хочет монархии»²,— позиция «Насьональ» не была в этот момент позицией органа печати, который ориентировался бы на народную революцию. Ибо совершить её без тех, кого этот орган либеральной буржуазии презрительно обзывал «чернью», т. е. без плебейских масс, было, конечно, невозможно.

Ещё более умеренную позицию занимало правое крыло либерально-буржуазной оппозиции. «Журналь де Деба», например, упорно продолжала убаюкивать себя и читателей уверениями в том, что правительство не решится покуситься на хартию и совершить государственный переворот. Ещё 24 июля газета прославляла «мудрость короля», который не дал будто бы увлечь себя на путь нарушения конституции³. 26-го та же газета сообщала, что уже приступлено якобы к рассылке письменных приглашений вновь избранным депутатам прибыть в Париж к открытию парламентской сессии, назначенному на 3 августа. Иронизируя над «хартией Коттю» и рассматривая её просто как продукт больного, экзальтированного ума, газета явно недооценивала значения этой брошюры, являвшейся пробным шаром ультрароялистов⁴.

Более решительным языком говорила редакция «Журналь де Пари», предостерегая правительством против применения насильственных мер и предсказывавшая, что нарушение хартии уничтожит присягу, принесённую народом династии Бурбонов.

Но даже та часть либералов, которая считала вероятным нарушение хартии, не принимала пока никаких серьёзных шагов к организации како-

¹ Carrel A. Op. cit. T. I, p. 130—135.

² Цитировано по «La Quotidienne», 21 juillet 1830.

³ «Journal des Débats», 24 juillet 1830.

⁴ Ibidem, 26 juillet 1830.

го-либо отпора. Дело ограничилось несколькими совещаниями, не давшими почти никаких практических результатов. На одном из таких совещаний, состоявшемся 10 июля в доме герцога де Бройль, одного из лидеров конституционалистов-роялистов в палате пэров, обсуждался вопрос, как быть в случае, если правительство, потерпев поражение на выборах, решится на какие-либо чрезвычайные меры вроде роспуска палаты. Решено было отказаться от уплаты налогов, отвергнуть бюджет, сопротивляться всеми легальными средствами. «Но если такое сопротивление окажется недостаточным и правительство прибегнет к силе, что делать тогда?» — спросил один из присутствующих. Ответа на этот вопрос не последовало¹.

Что касается республиканцев, то наиболее активные и боевые элементы этой партии уже давно готовились к вооружённому сопротивлению контрреволюционным планам правительства². Однако газета «Трибюн де департеман», вокруг которой группировались эти элементы, ещё 21 июля отказывалась верить циркулировавшим в Париже слухам о неизбежности и близости государственного переворота. Анализируя поведение аристократической и клерикальной партий, редакция утверждала, что союз с ними погубит монархию, и заявляла, что король должен повзвать с ними и «опереться на либералов». А если он поступит иначе? Тогда народ должен «сплотиться вокруг патриотов». «Но дело не дошло ещё до такой крайности», — успокоительно замечала газета, ссылаясь на слабость контрреволюционной партии («новых шуанов»). Анализируя проект Коттю о мерах борьбы против тех, кто откажется, в случае нарушения хартии, платить налоги, «Трибюн де департеман» называла его проектом «экспроприации патриотов» и доказывала его полную неосуществимость.

Между тем недовольство политикой Карла X усиливалось с каждым днём. Более активные из либералов, окончательно разуверившись в возможности примирения между правительством и оппозицией, заговорили о неизбежности свержения Бурбонов. Орлеанисты, во главе которых стоял известный банкир Лафитт, держали наготове свой давнишний план, состоявший в том, чтобы в случае победоносного народного восстания против легитимной монархии заменить Карла X герцогом Орлеанским Луи Филиппом, главой младшей линии правящей династии. Последний не стоял в стороне от этих планов и, как говорят, заявил однажды своим друзьям, что ни при каких условиях, что бы ни случилось во Франции, он из неё более не эмигрирует. «В таком случае вы будете королём, — заметил один из близких к нему людей, — ибо, если произойдёт революция, вы можете сделаться только либо эмигрантом либо королём».

Что же предпринимали орлеанисты для осуществления своих планов? Ничего или почти ничего. Они выжидали. Характерный разговор происходил в первой половине июля между Лафиттом и Лафайеттом. Лафайетт, популярнейший в тот момент из вождей оппозиции, находил, что пора прогнать «эту злосчастную фамилию Бурбонов». Лафитт возражал, утверждая, что «время для этого ещё не настало», что он не хочет «брать

¹ Thureau-Dangin P. Le parti libéral sous la Restauration, p. 498. Paris. 1888.

² С этой целью в конце 1829 г. (точная дата не установлена) группа левых республиканцев во главе с бывшими карбонариями — студентом Годафруа Кавеньяком и доктором Трела — организовала в Париже тайные революционные комитеты («муниципалитеты»), которые должны были, в случае победоносной революции, взять в свои руки власть в каждом из округов столицы. В начале января 1830 г. другая группа республиканцев во главе с редактором газеты «Трибюн де департеман» Огюстом Фабром организовала тайную «натуртическую ассоциацию», члены которой (преимущественно студенты) запасались оружием и готовились к революции. Более левое крыло республиканцев, группировавшееся вокруг члена палаты депутатов Боие д'Аржансона, старого демократа, убеждённого сторонника эгалитаризма, и его друга Шарля Теста, представляло собой малочисленную, чисто пропагандистскую группу и стояло в стороне от этих приготовлений.

³ Fabre A. La révolution de 1830 et le véritable parti republicain. T. I, p. 106—114. Paris. 1833.

на себя инициативу» и, наконец, что «массы инертны». Этот последний аргумент Лафитта особенно типичен: буржуазный либерализм всегда прикрывался лживой ссылкой на «пассивность» низов, чтобы оправдать свой страх перед решительными действиями, свою боязнь революции.

Характерны также возражения, выдвинутые Лафиттом против республики, за которую в начале разговора высказывался Лафайетт. «Республика,— заметил банкир,— ах, дорогой генерал, я её люблю, я полюбил её раньше вас, но вы ведь знаете, что для того, чтобы сделать рагу из зайца, нужно иметь этого зайца». «Что вы хотите этим сказать?» «Скажите, где ваши республиканцы?» «Они найдутся, друг мой». «Да, какая-нибудь горстка!» «Вполне достаточная, чтобы утвердить республику». «А чтобы её удержать? Нельзя,— поучал своего собеседника Лафитт,— основать республику с нашими богачами, с нашими честолюбцами, с нашими эгоистами. Мы будем иметь против себя старую и особенно новую знать, духовенство и его паству, банк, торговцев, большую часть буржуазии, рантье и биржу. Все эти люди страшатся возврата к максимуму, конфискации, закона о подозрительных, тюрем, эшафотов 1793 года. Нация, закон и король — вот всё, что возможно. Желать идти дальше — значит вступать на путь, ведущий к пропасти». Лафайетт возражал, что республика, к которой стремятся он и его друзья, отнюдь не будет походить на якобинскую диктатуру 1793—1794 гг., что он решительный противник террора. Лафитт отвечал на это, что установление республики неизбежно приведёт к политике в духе якобинцев. Он добавлял, что европейские правительства не примирятся с новой французской республикой и что она подвергнется такому же нападению извне, какому подверглась первая. Он запугивал Лафайетта перспективой «анархии, беспорядка, банкротства», которые якобы должна принести с собой республика, и уверял, что она неизбежно приведёт к «военной диктатуре».

В конце концов поколебленный Лафайетт сдался и заявил, что отказывается от республики; он сделал это тем охотнее, что в глубине души сам питал тот страх перед нею, который старался вызвать в нём Лафитт. Но кандидатура герцога Орлеанского вызвала со стороны Лафайетта замечание, что «Франция не может отдаться первому встречному», что этот человек «никому не известен», что «он ничего не сделал для страны». «Тем лучше,— отвечал Лафитт. — Да избавит нас бог от великих людей! Если б он одержал победы в Италии и Египте, я бы его не хотел. Нужно, чтобы он не мог ссылаться ни на какие другие права, кроме тех, которые дадим ему мы». «Мы» относилось к верхам буржуазии, к людям вроде банкира Лафитта или помещика Лафайетта. На последнее возражение своего собеседника, что герцога Орлеанский — Бурбон, что он принадлежит к той же династии, что и Карл X, Лафитт отвечал, что «увы, это правда», но добавлял, что знает герцога уже пятнадцать лет и верит в искренность его либеральных убеждений, хотя и не может полностью за него ручаться.

Разговор двух лидеров либеральной оппозиции закончился тем, что Лафайетт согласился примкнуть к орлеанистам. Собеседники условились, что в случае, если Карл X будет свергнут народным восстанием, они составят вместе с герцогом Орлеанским, с депутатом Дюпоном (де л'Эр) и ещё с одним лицом, которое пока названо не было, «временное правительство»¹.

Тактика умеренного крыла либералов была, таким образом, выработана. Учитывая возможность народного восстания против монархии Бурбонов, вожди буржуазной оппозиции заранее готовились к тому, чтобы вырвать власть из слабеющих рук представителей старой земельной знати, этих обломков феодального прошлого, и самим стать у кормила

¹ «Mémoires de Laffitte» (1767—1844), publiés par Paul Duchon, p. 125—132. Paris. 1932.

правления, оставив массы в состоянии прежнего бесправия. Не о вооружённой борьбе с реакцией сговаривались между собою банкир Лафитт и генерал Лафайетт; они сговаривались о том, чтобы не дать себя застигнуть врасплох в случае, если массы сами возьмутся за оружие и окажутся победителями. Но, отказываясь от исторической инициативы и предоставляя её другим, более боевым элементам населения, лидеры буржуазного либерализма 1830 года всячески стремились использовать в своих классовых интересах надвигавшуюся решительную схватку между старой, аристократической, и новой, демократической, Францией.

Как мало были они расположены к тому, чтобы подать сигнал к революционному отпору контрреволюционным замыслам двора и правительства, показывает тот факт, что через несколько дней после описанной выше беседы Лафитт уехал из Парижа в своё поместье Брейтель. Это было 20 июля. Почти в то же самое время оставил столицу и Лафайетт, уехав в своё поместье Лагранж.

IV.

21 июля ордонансы, которых одни ждали с нетерпением, другие со страхом, были представлены Карлу X и получили его одобрение. Оставалось только подписать их и опубликовать. Тщетно предостерегали короля против этого шага многие верные сторонники монархии Бурбонов и во Франции и за границей. Барон Витролло, один из активнейших деятелей первой реставрации, с тревогой указывал министрам на брожение, царившее в народных кварталах Парижа¹. Его не слушали. Другой активный деятель реставрации 1814 г., граф Беньо, открыто говорил, что «монархии грозит такое же кораблекрушение, как и любому фрегату»². «Неужели мы хотим сломать себе шею безумными выходками и крайними мерами?—с беспокойством спрашивал графа Виллеля один из его политических единомышленников, убеждённый ультрароялист.— Неужели мы подложим огонь под Францию? И где, скажите, найдём мы человека, способного исправить всё допущенное зло или хотя бы попытаться это сделать?»³.

Предупреждал короля о рискованности задуманного им шага и такой обычно хорошо осведомлённый человек, как Талейран. «Если дверь, ведущая к государственным переворотам, откроется при нынешнем положении вещей,— писал Карлу X виконт Ларошфуко,— я не могу от вас скрыть, государь, что путь, на который вы вступите, вырвет пропасть, которая неизбежно поглотит, быть может надолго, легитимную монархию, а с нею и Францию». Было бы неверно предположить, что Бурбоны могут восстановить абсолютизм и, нарушив хартию, продолжать взимать налоги. «Допустим, что армия, безусловно, верна королю; но останется ли она верна ему, когда ей перестанут платить? Нет. Будет ли она верна ему, когда ей прикажут выступить на поддержку произвола? Это большой вопрос... И что сможет сделать даже вполне преданная армия с 20 миллионами человек, которые, не восставая, откажутся платить налоги?» Рассчитывать на помощь иностранных государств — значит открывать дорогу во Францию врагу, который готовится растерзать её. «Горе государю, который призвал бы его!» — восклицал Ларошфуко, предостерегая против подобных планов придворной партии. Король не должен, по его мнению, ни цепляться за Полиньяка,

¹ Ср. тревожное письмо Ламеннэ к Витролло от 29 июня 1830 г. «Как долго согласятся солдаты убивать своих отцов и братьев в угоду деспотизму?.. Считаете ли вы возможным длительное торжество правительства, если оно окажется на одной стороне, а нация на другой? При нынешнем положении вещей я почти не сомневаюсь в том, что государственный переворот вызовет гражданскую войну» («Correspondance inédite entre Lamennais et le baron de Vitrolles», p. 193. Paris. 1886).

² L. Blanc. Histoire de dix ans. T. I, p. 62.

³ «Mémoires et correspondance du comte de Villele». T. V, p. 453—454.

ни полностью менять свою политическую систему. Последняя должна быть в основном сохранена, но власть необходимо вручить Виллелю. Таковы были выводы бывшего министра двора¹.

Предостерегающие голоса слышались и из-за границы. Английский король Вильгельм IV через своего посла в Париже Чарльза Стюарта, друга французских реакционеров, предупреждал Карла X о рискованности такого шага, как открытое нарушение хартии. Если Карл X нарушит хартию, которую он обязался соблюдать перед всей Европой, Россия не будет считать себя обязанной оказать ему поддержку, — говорил Николай I французскому послу в Петербурге герцогу Мортемару². О том же говорил французскому правительству русский посол в Париже генерал Пюццо ди Борго. Последний не раз делился своими опасениями с Полиньяком, а 13 июля имел специальный разговор с самим королём по поводу политического положения во Франции.

Меттерних, полностью сочувствовавший планам французских ультра-роялистов и составивший даже специальный мемуар, в котором он рекомендовал Полиньяку создание «высшей цензурной палаты», состоящей из пожизненных членов³, не скрывал своего страха за будущность монархии Бурбонов. «Я очень мрачно смотрю на общее положение вещей, — писал он 5 июня австрийскому послу в Лондоне князю Эстергази. — Г-н де Полиньяк дерзает на многое. Надо надеяться, что он будет иметь успех, но кто может поручиться за это»⁴. «Я беспокоился бы гораздо меньше, если б князь Полиньяк беспокоился больше»⁵, — говорил Меттерних французскому послу в Вене графу Рейневалю.

Ни одно из этих предостережений не было принято во внимание и не смогло поколебать твёрдой решимости двора и министерства покончить одним ударом с либеральной оппозицией. Правительственные круги не сомневались в успехе: ведь уверял же председатель совета министров, что он видел во сне «божью мать», обещавшую ему помощь. Что можно было возразить против такого сильного «аргумента»? К тому же префект полиции Манжен успокоительно заявлял, что в столице царит полное спокойствие и что он, префект, ручается за то, что «Париж не шевельнётся».

На случай, если бы это спокойствие — а оно было только кажущимся — оказалось нарушенным, правительство твёрдо рассчитывало на своё военное превосходство. «Силы, которые составляли столичный гарнизон, а так же те, которые были расположены в пригородах и во всей остальной части 1-го военного округа, — писал впоследствии Полиньяк, — казались мне совершенно достаточными, чтобы остановить и подавить всякое повстанческое движение, которое могло бы вспыхнуть»⁶.

Но что представляли собой эти силы? Войска парижского гарнизона насчитывали в этот момент 14 550 человек при 12 пушках, в пригородах имелось 4200 человек при 36 пушках, из них 24 — в Венсенском замке; остальные части парижского военного округа состояли из 3300 человек. В это число не вошли 1300 человек конных и пеших гвардейцев королевской свиты и особый жандармский полк.

Недостаточность этих вооружённых сил, к тому же лишь частично сосредоточенных в самом Париже, усугублялась ещё тем обстоятельством, что около половины лиц старшего командного состава по разным причинам находилось в тот момент в отсутствии. Отсутствовали командиры всех четырёх гвардейских дивизий (один был в Алжире, другой — в

¹ «Mémoires de M. de la Rochefoucauld». Т. IX, p. 623—627.

² «История дипломатии», под ред. В. П. Потёмкина. Т. I, стр. 407. М. 1941.

³ «Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich». Т. V, p. 3. Paris. 1882.

⁴ E. de Guichen. La Révolution de Juillet 1830 et l'Europe, p. 95. Paris. 1916.

⁵ Blanc L. Op. cit. Т. I, p. 62.

⁶ Prince de Polignac. Etudes historiques, politiques et morales sur l'état de la société européenne vers le milieu du dix-neuvième siècle, p. 304. Paris. 1845.

командировке, третий — в отпуску, четвёртый—при дворе). Генерал Кутар, десять лет подряд занимавший пост командующего войсками парижского военного округа, находился на водах, и его заменил военный комендант Парижа граф де Валль, бездарный аристократ из бывших эмигрантов. Всем гвардейским офицерам, пользовавшимся избирательным правом,— а таких было немало — предоставлен был отпуск для участия в выборах, и хотя последние закончились, многие из этих офицеров ещё не успели вернуться в свои части. В результате, во многих ротах налицо было только по одному офицеру.

25 июля совет министров в полном составе собрался в Сен-Клу в присутствии короля и дофина, чтобы в последний раз рассмотреть, а затем и подписать подготовленные к опубликованию ордонансы. Министр юстиции Шантелоз огласил текст доклада, в котором излагались мотивы, побуждавшие правительство к изданию этих чрезвычайных указов. Доклад получил единодушное одобрение присутствующих. Затем были оглашены и самые ордонансы. Опрошенные королём, члены кабинета выразили своё одобрение ордонансам; за подписание их высказался и герцог Ангулемский. Председатель совета министров повторил свои неоднократные заверения в том, что все меры, необходимые для обеспечения порядка и ликвидации возможного сопротивления, приняты. «Чем больше я думаю об этом, тем больше я убеждаюсь, что иначе поступить нельзя»,—заявил Карл X и, взяв перо, поданное ему Полиньяком, подписал все шесть лежавших перед ним ордонансов. За королём подписались и все министры.

V

На следующий день, 26 июля, ордонансы, вместе с сопутствовавшим им докладом, были опубликованы в правительственной газете «Монитёр»¹. Каково же было содержание этих знаменитых документов, которые должны были сыграть столь роковую роль в судьбе реставрированной монархии Бурбонов?

«Доклад королю», составленный Шантелозом и подписанный всеми министрами, начинался с указания на контраст, существующий якобы между «материальным благосостоянием» королевства, которое характеризовалось как невиданное и беспримерное², и обнаруживающимися почти повсеместно «признаками разложения и симптомами анархии». Авторы доклада с тревогой отмечали упадок авторитета правительственной власти, почти всеобщее беспокойство, охватившее страну, открытую пропаганду и широкое распространение «пагубных и мятежных учений». С особой тревогой указывалось на то, что «политические страсти, не вышедшие до сих пор за пределы верхов общества, начинают проникать и в народные массы». «Главным источником бедствий, которые грозят королевству», доклад объявлял периодическую печать, обвиняя её в том, будто она всегда «была и по самой своей сущности не может не быть орудием беспорядков и мятежей». Это она, заявляли министры, травит с 1814 года все без исключения министерства, не оставляет без нападок ни одного агента власти, ни одного служителя церкви, колеблет «самые твёрдые убеждения», совращает «самые чистые души», систематически искажает и опорочивает все действия правительства и самого короля, создаёт между ними и народом «плотную завесу», завесу лжи, и стремится не только подчинить себе палату депутатов, но и «завладеть всей государственной властью», «чтобы вызвать во Франции новую революцию и привести страну к варварству».

Сказанным не исчерпывался список обвинений, выдвинутых кабине-

¹ «Moniteur universel», 26 juillet 1830.

² В действительности, экономическое состояние Франции было в тот момент далеко не блестящим: страна переживала промышленную депрессию и серьёзную безработицу, а также дороговизну хлеба и других продуктов, вызванную засушливым летом и суровой зимой.

том Полиньяка против газет либерального и демократического направления. Он доходил до обвинения оппозиционной печати в прямой государственной измене, выразившейся якобы в том, что левые газеты не только осуждали алжирскую экспедицию, но и затрудняли её, публикуя ко всеобщему сведению все детали этого похода, численность и состав армии и флота, «всё, вплоть до места высадки». «Вот что сделали органы партии, которая именуется национальной!» — патетически восклицали авторы доклада. «Общественная безопасность, — заключали они, — подрывается своеволием прессы. Пора, давно пора положить конец её разрушительному действию». Но как этого добиться, если ни суды, ни действующие законы не могут защитить «друзей порядка» от «возвращения тех бедствий, которые уже пришлось пережить их отцам или им самим»? «Для этого, — отвечали авторы доклада, — существует только одно средство — вернуться к хартии». Но что означал этот призыв «вернуться к хартии» в устах её заклятых врагов? Оказывается, он означал такое толкование 8-й статьи хартии, при котором эта статья фактически заменялась законом 21 октября 1814 года. Этот последний установил предварительную цензуру для газет и других периодических изданий, что и предлагалось возобновить теперь.

Доклад заканчивался указанием на необходимость немедленного осуществления мер, могущих укрепить пошатнувшиеся устои монархии. То обстоятельство, что эти меры должны быть проведены в порядке единоличных указов короля, мотивировалось ссылкой на затруднительное положение правительства в результате победы оппозиции на выборах и на текст 14-й статьи хартии. «Настал момент прибегнуть к мерам, которые соответствуют духу хартии, но находятся вне легального порядка, все средства какового исчерпаны без всякой пользы» — так писали авторы ордонансов, признавая тем самым их незаконность. В заключение министры выражали уверенность в том, что «сила останется на стороне права». Мы уже знаем, что представляло собой это «право».

За докладом о необходимости ордонансов следовал текст самих ордонансов. Первый ордонанс постановлял, что «свобода периодической печати упраздняется. Впредь ни одна газета, ни одно периодическое или полупериодическое издание, независимо от его содержания, не могло выходить без специального правительственного разрешения, которое должно было возобновляться каждые три месяца и могло быть взято назад. Ни одно издание объёмом менее двадцати печатных листов не могло выходить без разрешения министра внутренних дел (для Парижа) или префектов (для провинции). Предварительное разрешение требовалось и для тех книг объёмом свыше 20 листов, которые состоят не из одного, а из нескольких сочинений. Печатание судебных отчётов и трудов научных или литературных обществ подчинялось этим правилам в том случае, если названные издания касались хотя бы частично политических вопросов. Нарушение этих правил грозило немедленным наложением ареста на соответствующее издание и опечатанием типографских станков и шрифтов, использованных при его напечатании.

Этот смертный приговор всей оппозиционной печати, скреплённый подписями всех министров, представлял собою открытое нарушение хартии, её 8-й статьи, гласившей, что «французы имеют право публично выражать и печатать свои мнения, следуя законам, которые должны пресекать злоупотребления этой свободой».

Второй ордонанс, скреплённый подписью одного министра внутренних дел, распускал вновь избранную палату депутатов. Постановление это мотивировалось интригами, имевшими будто бы место на последних выборах, с целью обмануть и ввести в заблуждение избирателей. Ордонанс этот нарушал хартию, которая хотя и предоставляла королю право роспуска палаты (ст. 50), но лишь после того, как последняя соберётся, открывает свои заседания и выберет президиум.

Третий ордоанс вносил радикальные изменения в действующую избирательную систему. Они мотивировались желанием правительства «предупредить повторение происков, оказавших губительное влияние на деятельность избирательных коллегий», исправить «избирательные порядки, несовершенство которых обнаружилось на опыте», обеспечить «безопасность государства» и «честь короны». Ордоанс этот почти вдвое уменьшал число депутатов (с 428 до 258), устанавливал ежегодную сменяемость одной пятой части палаты, лишал её права самостоятельно вносить какие-либо поправки к правительственным законопроектам, предоставлял составление списка избирателей одному префекту, запрещал какие бы то ни было дискуссии или декларации в избирательных коллегиях, фактически упразднял тайную подачу голосов, а главное, ограничивал и без того узкий круг избирателей и избираемых лицами, платящими подоходный налог с земли или с движимого имущества, и исключал тем самым из избирательных списков владельцев торговых или промышленных патентов.

Ордоанс этот лишал права голоса массу буржуазных избирателей и устанавливал почти полную избирательную монополию крупных земельных собственников, т. е. главным образом представителей дворянской аристократии. Осуществление этого ордоанса привело бы к дальнейшему сокращению общего числа избирателей, и без того крайне незначительного (оно равнялось в 1829 г. 88 275)¹. Вопреки утверждению правительства, ордоанс этот резко противоречил принципам хартии, так как нарушал её 35-ю статью, по которой избирательная система должна была определяться законами, а не единоличной властью короля.

Четвёртый ордоанс, подписанный одним министром внутренних дел, назначал новые выборы в окружных коллегиях на 6 сентября и в департаментских — на 13-е; созыв обеих палат был назначен на 28 сентября.

Пятый ордоанс, скреплённый подписью одного министра юстиции, частью вводил в постоянный состав Государственного совета, частью допускал к участию в его заседаниях ряд лиц, состоявших либо экстраординарными, либо почётными его членами, либо докладчиками. Тот же ордоанс назначал четырёх новых государственных советников и докладчиков.

Все эти люди были широко известны как ярые реакционеры, многие из них были выведены за это из состава Государственного совета в период министерства Мартиньяка, трое занимали должности префектов. Первое место в этом списке занимал Делава, бывший при Виллеле префектом полиции, член конгрегации, человек, пользовавшийся заслуженной ненавистью либеральных кругов. Не забыт был правительством Полиньяка и ближайший сподвижник Делава, бывший начальник управления общей полиции Франше. Среди лиц, допущенных к участию в заседаниях Государственного совета, находились такие видные ультрароялисты, как бывший министр внутренних дел граф де-Воблан, маркиз Форбен дез-Иссар, бывший эмигрант, депутат «бесподобной палаты», член палаты пэров, дравшийся в 1822 г. на дуэли с Бенжаменом Констаном, виконт де-Кастельбажак, пэр и бывший член «бесподобной палаты» Сирийс де-Мейринак, видный чиновник министерства внутренних дел, ярый реакционер, требовавший в «бесподобной палате» возвращения церкви её проданных во времена революции земель. К этой группе принадлежал и министр без портфеля Дюдон, барон империи, «прославившийся» тем, что в 1815 г., будучи председателем комиссии по погашению государственных долгов иностранным кредиторам, нажил себе на этом деле громадное состояние.

Шестой и последний ордоанс, подписанный одним министром юстиции, назначал почётным членом Государственного совета адвоката Ни-

¹ Weill G. Les élections législatives depuis 1789, p. 97. Paris. 1895. В первые годы реставрации число избирателей составляло 110 тыс. (в 1817 г.).

кола Бергасса, бывшего члена Генеральных Штатов 1789 года. Крайний реакционер, советник Священного Союза, Бергасс был автором нахулиганской брошюры «О собственности», в которой высказывался за возвращение проданных во время революции имуществ духовенства и эмигрантов их прежним собственникам.

Эти назначения не требуют комментариев. Включение в состав Государственного совета шестнадцати крайних монархистов лишней раз подчёркивало контрреволюционный характер ордонансов Полиньяка.

VI

Опубликованные 26 июля ордонансы произвели в Париже огромное впечатление. Лагерь ультрароялистов и «поповская партия» ликовали. Полиньяк и другие министры получали устные и письменные поздравления по поводу проявленной ими «твёрдости». «26 июля,— писал главе кабинета один из близких к нему людей,— есть дальнейшее развитие руководящей идеи 8-го августа. Это государственный переворот, от которого нет возврата к прошлому; король обнажил шпагу, далеко отбросив от себя её ножны»¹.

Реакционные газеты оправдывали и приветствовали ордонансы. «Котидьен» писала: «Революция будет побеждена, говорили мы уже давно. Ныне революция побеждена (*la révolution est vaincue aujourd'hui*)». Это писалось в тот самый момент когда настоящая революция уже стучалась в двери! Обращаясь к «рассудительным людям», к «друзьям порядка», ко «всем французам» с призывом отнестись с доверием к королю, орган ультрароялистов оправдывал необычные действия правительства утверждением, что вызывающее поведение либералов заставило короля прибегнуть к такого рода средствам»².

«Газет де Франс» старалась доказать, что ничего особенного не произошло, и утверждала, что это не первый, а третий за время реставрации случай изменения порядка выборов путём королевского ордонанса. «По своём возвращении во Францию Людовик XVIII издал знаменитый ордонанс, который вызвал к жизни палату 1815 года. 5 сентября 1816 г. новый ордонанс снова изменил порядок выборов». Слабость этой аргументации бросается в глаза: оба названных ордонанса, распуская палату и назначая новые выборы, не меняли сущности избирательного права, установленного хартией. Курьёзнее всего то, что применение правительством Карла X чрезвычайных мер, выразившееся в ордонансах 26 июля, ультрароялистская газета стремилась оправдать ссылкой на одобрительное отношение либералов к таким чрезвычайным мерам Людовика XVIII, как ордонанс 5 сентября 1816 г. о роспуске «бесподобной палаты»,— ордонанс, вызвавший в своё время сильнейшую ярость в лагере ультрароялистов. Слова Ройе-Коллара, заявившего в январе 1817 г., что правительство должно «набраться смелости», чтобы «раздавить всякое сопротивление, подавить все мятежные страсти и поставить, наконец, королевскую волю выше всех возражений»,— эти слова «Газет де Франс» приводила теперь с целью доказать, что либеральная оппозиция борется против того, что сама же одобряла в своё время. При этом, конечно, не упоминалось, что палата, распущенная в сентябре 1816 г., была ультрареакционной палатой, а палата, распущенная в июле 1830 г., состояла в своём большинстве из роялистов-конституционалистов и либералов.

Доказывая, что король, как верховный глава государства, имеет право прибегать к чрезвычайным мерам, «Газет де Франс» ссылалась ещё и на мнение представителя центра, бывшего министра графа Симеона, заявившего в 1828 г., что «при наличии угрожающей опасности» и «для борьбы с нею в отсутствие палат» королю должна принадлежать «дик-

¹ «Procès des ex-ministres», p. 89. Avallon. 1830. 8 августа 1829 г. был сформирован кабинет Полиньяка.

² «La Quotidienne», 27 juillet 1830.

татура». «Во всех странах, имеющих свободные учреждения,— добавляла газета,— часто применялись такие средства, что отнюдь не приводило к нарушению конституции».

Не ограничиваясь всеми этими аргументами в защиту ордоансов и комментариями к ним, редакция «Газет де Франс» усиленно рекомендовала вниманию читателей упомянутую нами выше брошюру Коттю и указывала на то, что эта брошюра даёт ключ к пониманию создавшегося положения, и приводила из неё ряд выдержек. Выдержки эти чрезвычайно характерны для понимания планов и целей ультрароялистов, для понимания социально-политической программы, лежавшей в основе ордоансов Полиньяка.

Анализируя состав избирателей, Коттю делил их на следующие шесть групп: мелкие земельные собственники (*petits propriétaires*), мелкие торговцы (*petits marchands*), крупные фермеры (*gros fermiers*), судейские чиновники, адвокаты (*hommes de loi*), богатые коммерсанты и банкиры (*riches négocians et banquiers*), крупные землевладельцы (*quelques grands propriétaires*). «Но так как эти шесть классов избирателей господствуют вместе, смешанные в одних и тех же коллегиях, то получается, что самый многочисленный класс, класс мелких собственников, диктует законы всем прочим, и избирательные коллегии могут рассматриваться как состоящие исключительно из мелких собственников». Вывод, по меньшей мере, неточный, если вспомнить, что имущественный ценз для избирателей составлял минимум 300 франков прямых налогов и что в 1817 г. при обсуждении этого избирательного закона в палатах он был признан всеми, за исключением ультрароялистов, достаточно аристократическим.

Но присмотримся к дальнейшей аргументации Коттю. Первые три класса избирателей, утверждает он, настолько поглощены своими повседневными торговыми делами, своими земледельческими работами и настолько лишены способности к «высокому мышлению», что неизбежно оказываются во власти «предубеждений, свойственных их социальному положению», и поддаются под влияние судей, судейских чиновников и адвокатов, составляющих четвёртый класс избирателей. Этот класс людей больше смыслит в общественных делах, нежели избиратели первых трёх классов, но, будучи ограничен в силу своей специальности кругом дел, для ведения которых необходимо знание законов гражданского порядка, «он имеет лишь крайне поверхностное представление о законах, которые управляют политическим порядком». «Банкиры и коммерсанты, ближе стоящие, благодаря своему состоянию и связям, к высшим сановникам государства, находятся в таком положении, что могут лучше, чем судейские чиновники, составить себе правильное мнение о природе существующего государственного строя и его нуждах». Но они настолько увлечены деловой горячкой, «настолько одержимы страстью к наживе, что совершенно недоступны каким-либо идеям и неспособны на какое-либо занятие, целью которого не являются деньги».

Разделавшись посредством таких аргументов с подавляющим большинством избирателей, Коттю приходит к заключению, что «класс крупных землевладельцев, единственный из всех классов, входящих в состав избирательных коллегий, может возвыситься до понимания вопросов общественного порядка»¹. Но, с грустью добавляет автор, «этот класс крайне малочислен теперь во Франции» и «он имеет в ней так мало влияния на массы (вследствие неустойчивости земельной собственности), что мудрость его принципов теряется в общем невежестве и в грубых предрассудках огромного большинства избирателей».

Что же это за «предрассудки», о наличии которых так скорбит Коттю? «Любовь к равенству, ненависть к социальным различиям и откры-

¹ Разрядка мая.— А. М.

тое отвращение ко всякого рода расходам, не относящимся прямо к какому-либо положительному и материальному, общественно-полезному делу», — таковы, по мнению автора, «господствующие страсти людей, из которых закон 1817 г. составил избирательные коллегии». «Нет такого народа, — под этим словом я разумею совокупность людей, составляющих средние классы общества, — нет, говорю я, народа, который бы мог долго противиться соблазну республиканских идей». Коттю признаёт, что стремление к такому строю, в котором не будет ни привилегий, ни титулов, ни дорогостоящих должностей и люди будут отличаться друг от друга «лишь шириной своих знаний и силой своего ума», понятно у тех, кто по самому своему положению питает, как он говорит, «естественную зависть к высшим классам» и разделяет «наивную веру в то, что подобный строй может быть осуществлён».

Коттю, конечно, не верит в это. Он убеждён, что «ранги, привилегии, титулы и все социальные различия» совершенно необходимы «для поддержания общественного порядка и подлинного процветания государства». Именно поэтому он и бьёт тревогу по поводу того, что большинство избирателей относится, как он полагает, отрицательно к таким учреждениям, как палата пэров, наследственная аристократия и даже монархия. Но если это так — а Коттю твёрдо в этом убеждён, — то действующая избирательная система должна быть заменена новой, такой, которая обеспечила бы преобладание крупным землевладельцам дворянского происхождения и ограничила бы права палаты депутатов в пользу прав короля. Таков конечный вывод, который делал автор этой ультрароялистской брошюры. Если такая влиятельная газета, как «Газет де Франс», поместила у себя 27 июля 1830 г., на другой день после опубликования ордонансов, вышеприведённые выдержки и рекомендовала их вниманию читателей, то это доказывает, что с высказанными Коттю взглядами были согласны и редакция этого органа и стоявшие за ним политические группы. Ультрароялисты давно добивались избирательной монополии крупных помещиков, давно тяготились действующей избирательной системой как якобы слишком демократической. Ограничимся здесь одним характерным примером. 24 января 1824 г. Лоранси, главный редактор газеты «Котидьен», заносил в свой дневник: «Только что опубликован список парижских избирателей: всё это колбасники, каменщики, содержатели мебелированных комнат, булочники, бакалейщики или люди аналогичных профессий. Вот каковы хозяева судеб Франции: что за жалкое зрелище!»¹.

Что касается практической стороны программы Коттю — выдвинутого им проекта новой избирательной системы, — то он не нашёл поддержки ни в «Газет де Франс», ни в «Котидьен», ни в других органах крайней реакции. Вероятнее всего, он не нашёл среди них поддержки потому, что показался слишком радикальным и трудно осуществимым, а может быть, и преждевременным. Во всяком случае, ордонанс об избирательной реформе, опубликованный 26 июля 1830 г., являлся более умеренным, чем проект Коттю.

Тот же номер «Газет де Франс», в котором помещены были выдержки из брошюры Коттю, содержал полемику с газетой «Таймс» по вопросу об отличии французской представительной системы от английского парламентаризма, а также критическую статью о вновь вышедшей книге либерального историка Файо (Fayot) «История Франции с 1793 г. до воцарения Карла X». Статья эта, выдержанная в духе бешеной ненависти к революции и Наполеону, полная всемерного восхваления правительства Реставрации, любопытна в том отношении, что содержала ряд намёков на политическую злобу дня. Автор статьи, некий Colnet, заявлял, что «нет такой представительной системы управления, такой конституционной монархии, которая могла бы устоять против дурного избирательного зако-

¹ Laurentie J. Souvenirs inédits par son petitfils, p. 66. Paris, s. a.

на». Не скрывая своего отвращения к действующей избирательной системе, к «глупому закону» 1817 г., автор одобрительно отзывался о конституции VIII г. (первой из наполеоновских конституций), уничтожившей фактически всякую выборность парламентских учреждений и сделавшей почти невозможным существование какой-либо оппозиции к правительству¹.

VII

Правительство проявляло исключительную самоуверенность и ни на минуту не сомневалось в успехе. Карл X с утра отправился на охоту в Рамбулье и вернулся в Сен-Клу лишь в семь часов вечера. Обычный распорядок придворной жизни не был нарушен ни в этот, ни в следующий день. Столь же беспечно вели себя министры. Полиньяк, например, занимался в военном министерстве сдачей с торгов какого-то заказа. Пейронне спокойно позировал художнику, рисовавшему его портрет. Префект департамента Сены, поспешивший в министерство за инструкциями, не мог добиться от своего шефа никаких распоряжений. То же произошло с начальником жандармского корпуса виконтом Фуко, явившимся к префекту полиции, который к тому же узнал об ордоансах лишь из газет².

Впрочем, не все члены правительства были ослеплены в такой мере, как Полиньяк и Пейронне. Министр финансов граф Монбель не мог скрыть своего беспокойства. «Я убеждён, что правое дело восторжествует», — писал он Виллелю в день опубликования ордоансов, но при этом добавлял: «Во всяком случае, оборона будет достойной»³.

Более осторожные или более дальновидные представители дворянства испытывали при чтении ордоансов чувство острой тревоги. Характерный случай имел место в городе Клермоне. Один окрестный помещик, граф Понжибо, ознакомившись с содержанием ордоансов, тотчас же отказался от покупки земельного участка, которую он уже собирался совершить; своему нотариусу он объяснил, что боится роковых последствий этого шага правительства для судеб земледельческой аристократии. «Эти ордоансы неосуществимы, дорогая маркиза, — писал одной из своих светских приятельниц виконт Ларошфуко. — Что, вы считаете, мог бы предпринять король во главе 17 безумцев против всего своего королевства?»⁴. Ларошфуко предсказывал, что Карл X вынужден будет, в конце концов, отречься от престола. Генерал де-Кастеллан, лечившийся в этот момент на водах Мон-Дора, рассказывает о панике, охватившей население этого светского курорта при получении известия об ордоансах: многие женщины плакали, отказывались танцевать, слышалось разговоры о том, что правительство не сможет теперь собирать налогов⁵.

Ярким показателем растерянности и страха за будущее, охвативших в этот момент часть дворянства, особенно провинциального, может служить письмо графа де-Шастеллю, адресованное Виллелю 28 июля из курорта Бурбон-лэ-Бэн. «Моим первым чувством, — писал он, — был испуг при мысли о том, что мы вступили на столь необычный путь. Что сделают суды, когда собственники газет потребуют к ответу представителей власти, когда платящие патент избиратели потребуют себе прав, которые предоставлены им существующими законами? И что это за принцип, по которому совет министров может отменять законы и заменять их собственными распоряжениями!» Выражая своё полное одобрение содержанию ордоансов, граф Шастеллю осуждал лишь способ их проведения как слишком рискованный, хотя и признавал, что «бывают моменты, ко-

¹ «La Gazette de France», 27 juillet 1830.

² Vicomte de Foucauld. Mémoires sur les événements de juillet 1830, p. 15—18. Paris. 1851.

³ «Mémoires et correspondance du comte de Villèle». T. V, p. 465—466.

⁴ «Mémoires de M. de la Rochefoucauld». T. IX, p. 636.

⁵ «Journal du maréchal de Castellane». T. II, p. 359.

гда операция, даже опасная, необходима для спасения жизни больного». В заключение он высказывал надежду, «что эта нация, столь высокомерная, когда за нею признают те или иные права, столь покорная, когда её угнетают, столь привыкшая за последние сорок лет к государственным переворотам, которые беспрестанно меняют её конституцию, покорно примет этот новый режим и, в частности, этот избирательный закон»¹.

Тщетная надежда! Французский народ, о котором так презрительно отзывался этот надменный аристократ, не подчинится ордонансам Полиньяка, не покорится дворянской контрреволюции и нанесёт ей ответный, сокрушительный удар.

VIII

Буржуазный Париж встретил ордонансы Полиньяка понижением биржевого курса государственных бумаг: трёхпроцентная рента упала сразу с 79 франков до 75. Если знаменитый поставщик и спекулянт Увар уже давно играл на понижение, то большинство биржевых дельцов оказались застигнутыми врасплох и немало потеряли на этом падении курсов. Среди пострадавших был Джеймс Ротшильд, введённый в заблуждение маневрами министерства, маскировавшего до последнего часа свои намерения: ещё 24 июля, за день до подписания ордонансов, Пейронне решительно опровергал в разговоре с банкиром слухи о готовящемся государственном перевороте.

Либеральные газеты с большим единодушием доказывали незаконность ордонансов. «Преступление свершилось» — такими словами началась статья, появившаяся 27 июля в газете «Глоб»². «Вот уже одиннадцать месяцев, как эти проекты были возведены, но Франция отказывалась им верить, — писала «Тан». — Теперь эти проекты осуществлены, реализованы, опубликованы». Газета приходила к заключению, что действиями правительства «вся страна поставлена как бы вне закона», что единственная власть, которая ещё остаётся во Франции после издания ордонансов, нарушивших хартию и кодексы, — это суды, которые и должны выступить на защиту попранных законов. Статья заканчивалась заявлением, что оппозиционная пресса останется верна своему политическому долгу³.

«Насиональ» в статье, принадлежавшей перу Армана Карреля, приходила к заключению, что «все законы, которые Франция привыкла соблюдать, уважать и ценить за пятнадцать лет реставрации», опрокинуты министерством. На вопрос, «что же остаётся теперь делать Франции», газета отвечала: «Отказаться от уплаты налогов». «Будущее, — заканчивал Каррель, — зависит от индивидуальной энергии граждан»⁴.

Именно «Насиональ», которая с самого момента своего основания (в январе 1830 г.) вела лишь слегка завуалированную агитацию за свержение Бурбонов и замену их другой, более приемлемой для страны династией, настойчиво подготавливала умы читателей к революции типа «славной революции» 1688 г., — подала сигнал к коллективному протесту оппозиционных газет против ордонансов. Протест этот, составленный Тьером, был принят на многолюдном собрании либеральных журналистов и политических деятелей, состоявшемся 26-го вечером в помещении редакции этой газеты, под председательством депутата и учёного графа Александра де-Лабурд, одного из пайщиков «Тан», 44 редактора и сотрудника 11 либеральных и демократических газет и журналов⁵, в том числе Тьер, Минье, Арман Каррель, Кошуа-Лемэр, Бод, Ларреги, Ш. де-Ремюза, Пьер

¹ «Memoires et correspondance du comte de Villele». Т. V, p. 465—466.

² «La Glode», 27 juillet 1830.

³ «Le Temps», 27 juillet 1830.

⁴ Carré A. Oeuvres politiques et littéraires. Т. I, p. 136.

⁵ «National», «Globe», «Constitutionnel», «Temps», «Tribune des départements», «Courrier français», «Journal de commerce», «Révolution» и др.

Леру, Сарран-младший, Огюст Фабр, Планболь Фазы, подписали этот документ. Они доказывали незаконность ордонансов, как противоречащих 8-й, 35-й и 50-й статьям хартии, осуждали «преступных министров», её нарушивших, заявляли, что будут продолжать выпускать свои издания на прежних основаниях, и призывали депутатов распушенной палаты не забывать, что «они и сегодня обладают теми правами, какими обладали вчера». «Правительство,— так заканчивалась эта декларация,— утратило теперь характер законности, которым обуславливалась необходимость оказывать ему повиновение. Мы оказываем ему сопротивление. Дело Франции решить, до какого предела следует ей довести своё сопротивление»¹.

Вопреки всем усилиям полиции, коллективный протест журналистов оппозиции был отпечатан и на следующий день распространён в громадном количестве экземпляров. Этот документ, доказывавший незаконность действий правительства, хотя и не содержал прямого призыва к революционной борьбе против государственного переворота, но являлся всё же сильным толчком к народному восстанию, вспыхнувшему на следующий же день, 27 июля².

Вечером того же дня по инициативе либерального адвоката и журналиста Барта, бывшего карбонария, в зале Ротонды состоялось совещание владельцев парижских типографий, на котором решено было ответить на ордонанс о печати закрытием мастерских. Решение это было почти тотчас же приведено в исполнение³.

Закрытие типографий ещё более увеличивало и без того значительную безработицу в столице, вызванную депрессией в промышленности, и дало новую пищу революционному брожению, наблюдавшемуся в рабочих кварталах. Увольняемым с производства рабочим многие хозяева прямо говорили, что они вынуждены к этому шагу мерами правительства. Примеру владельцев типографий последовали некоторые другие предприниматели.

Связанная с левым крылом либералов часть промышленной буржуазии руководилась в данном случае тайным стремлением толкнуть оставшихся без работы пролетариев на борьбу с правительством. Если эта цель действительно была достигнута, то, конечно, потому, что трудящиеся массы Парижа сами рвались в бой против ненавистного режима дворянской и клерикальной реакции.

День 26 июля прошёл спокойно; спокойно прошла и ночь на 27 июля. Ничто, казалось, не предвещало той бури, которая разразилась 27 июля и в три дня сметла монархию Бурбонов.

¹ Lesur. *Annuaire historique universel pour 1830*. Paris. 1832. Documents historiques, p. 34—35.

² См. замечание Энгельса в письме к Бебелю от 18 ноября 1884 г.: «Никогда ещё революция не пренебрегала ссылкой на законность — в 1830 г. во Франции и король, и буржуазия утверждали, что на их стороне право» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 430).

³ Mantoix P. *Patrons et ouvriers en juillet 1830*. «Revue d'histoire moderne et contemporaine». Т. III, 1901.